

ДОСУГА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
И САТИРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К ГАЗЕТЕ „ПРОЛЕТАРИЙ“

№ 10. ||

Воскресенье, 8-го октября 1922 г.

|| № 10.

Кемаль-паша :

И. Еремин.

Порт.

Еще по дороге из Киева, на пароходе, я узнал, что в N я работы не найду. По словам моих попутчиков, таких же рабочих, как и я, чтобы достать работу, мне надо было проехать еще верст сто, в Каменское, где расположено много заводов и фабрик.

Такое сообщение меня совсем обескуражило. Денег у меня было всего двадцать четыре копейки, билет был у меня только до N, а чтобы доехать до Каменского, надо было уплатить за один только проезд около рубля. Продать нечего было. Еще в Киеве я издержался, что называется, до последнего. Ничего не оставалось делать, как остаться в N на день или два, майти какой-нибудь заработок и добраться потом до Каменского.

В N приехали часов в 12 ночи. Я остался ночевать на берегу. Пробравшись на корму плавучей пристани, где было навалено много тюков и мешков с зерном, я в ожидании утра заснул.

Ране утром, до восхода солнца, я был разбужен самым неожиданным образом. Артель грузчиков начала свою работу. Они нагружали тот самый пароход, на котором я приехал, и в первую очередь взялись грузить как раз те мешки, на которых я спал. Громкий окрик одного из рабочих заставил меня вскочить на ноги.

Предутренний холод охватил меня. Тело мое дрожало как в лихорадке, зубы так громко стучали, что обратили внимание проходившего рабочего.

— Что ты, земляк, болен, что ли? спросил он меня.

Я почувствовал, что не сумею ответить, и молча направился со сходни на берег.

Чтобы немного согреться, я зашагал вдоль берега по направлению к лесным складам. Пришлось идти сыпучим, речным песком. Было трудно ходить, нога грузла и как то скользила назад. Казалось, что кто-то тянет меня за ноги.

— Эй, земляк, вдруг услышал я голос с берега, у самой реки. Я оглянулся. Какой-то человек в пензенной рыжей свитке и зимней высокой шапке на голове смотрел на меня с вопросительной миной.

— На работу пойдешь?

На такой вопрос я должен был ответить немедленно, но я уже опытен в таких делах.

— А какая работа? с самым невозмутимым спокойствием спросил я.

— Подойди ближе, увидишь.

Я подошел к берегу. Звавший меня стоял по колено в воде и связывал бревна бичевкой. На берегу, у самой воды лежало еще штук двадцать таких же бревен. Не трудно было догадаться, что из этих бревен надо было связать плот.

— Ты умеешь связывать бревна? спросил он меня.

— Умею.

— Так давай, будем вязать. Ну, закачай штаны, да и лезь в воду.

— А кто будет платить за работу?

— Кто? известно кто, хозяин.

— А плата какая, поденная или огулом?

Человек в свитке объяснил мне, что из этих бревен надо связать плот и потом сплавить его в деревню, в двадцати пяти верстах от города, и там сдать его какому-то подрядчику, что за эту работу нам должны

заплатить шесть рублей. Деньги мы получим не здесь, а после сдачи бревен подрядчику.

Такая работа была мне очень кстати. Плот мы должны были гнать как раз по направлению к Каменскому, куда я хотел попасть и, кроме того, выпадавший, на мою долю заработок в три рубля, был для меня чем то вроде клада.

Я закачал штаны и вошел в воду. От холодной воды меня опять бросило в дрожь, но я принялся скатывать бревна в воду и немного согрелся.

Часов в 12 плот был готов. Оставалось только поверх плота уложить доски, чтобы можно было ходить по нему. Солнце уже было высоко, было тепло. Вода была спокойна, ни малейшего ветерка, ни малейшей зыби на реке. Течение воды было так сильно, что нам пришлось все время удерживать плот, чтобы его не унесло от берега. Компаньон мой, которого звали Семеном, то и дело ругался, что наш хозяин не приходит. Надо было отправляться, чтобы попасть к вечеру в деревню, а хозяин не приходит. Семен хотел было пойти за ним, да боялся, видно, оставить меня одного с плотом. Через час явился хозяин, высокий, здоровенный великоросс. Осмотрев плот и сделав несколько указаний, он передал Семену письмо и какой то сверток. Передавая это, хозяин, грозя пальцем, приказал, чтобы, боже сохрани, не замечить узелок, потому что там дорогой торг.

Семен завязал узелок в свой изорванный башлык и обмотал его вокруг себя через плечо, потом снял шапку, попрощался с хозяином и стал отвязывать веревку.

Берег стал уходить от нас, и через несколько минут мы были уже далеко от того места, где раньше работали. Хозяин наш все еще стоял на берегу, пока мы скрылись за большим судном, стоявшим на реке.

С обеих сторон плота мы устроили два больших весла, которыми мы должны были направлять его. Я стал у своего весла и ждал команду. Плот был так мал, что двигаться по нему свободно нельзя было. Надо было держаться середины, иначе он под тяжестью человека начинал погружаться в воду.

Когда мы выехали на середину реки, я почувствовал, что я очень голоден. В моей котомке, кроме одной пары белья и пачки махорки, ничего не было. Мои надежды, что к вечеру мы приедем в деревню, носившую какое-то странное название, не то Белиберда, не то Келиберда, и там достанем хлеба, были разрушены моим товарищем.

— Придется заночевать на реке, обратился он ко мне, исправляя бичевку на плоту. Коли б нас хозяин не задержал, были бы мы уже в Редутах, а там уже недалеко и до места.

— Вот досадно, есть хочется, аж брюхо болит, а у меня ни копейки. Были у меня шесть копеек, так я таранку купил, сказал он.

Я молчал. Голод под влиянием его слов еще больше усилился. Я предложил ему пристать к берегу, пока еще город виден, и купить хлеба.

— Эх ты, роззява, бесцеремонно сказал он. Чтож ты на берегу не сказал мне, что у тебя есть нечего. А я думал, что в мешке у тебя хлеб, а оно вот что вышло.

С этими словами он взялся за весло и скормил мне: Загребай к берегу. Сильнее!

Мы взялись за весла. Плот, продолжая плыть по течению, медленно подавался к берегу. Город все уходил от нас. По берегу пошли уже заводы. Видно было, как люди, рассеянные по отлогому, песчаному берегу, работали у вагонеток. Длинные рельсовые пути тянулись от заводов до самой реки.

— Постой, не греби, крикнул мне Семен, вытягивая весло из воды. Все равно тут к берегу не пристанем, лучше причалим за мостом.

Я стоял все время спиной к мосту и не заметил его приближения. Я обернулся и в первое мгновение чуть не присел. Огромнейший железнодорожный мост быстро двигался на нас. В течение одной минуты мост пронесся над нашими головами и остался позади. Мы опять налегли на весла и после больших усилий пристали к берегу.

Надо было привязать плот. Семен куда-то ушел и через несколько минут вернулся и принес большой кол, привязал к нему бичевку, прикрепленную другим концом к плоту, и особым способом, известным только сплавщикам, всадил его в землю. После этого он взял у меня деньги и ушел по направлению к городу.

Я сошел на берег. Согретый солнцем песок мягко ласкал ступни. Хотелось спать. Я лег прямо на песок, растянулся против солнца и заснул.

Когда Семен вернулся с хлебом и разбудил меня, солнце уже скрывалось за холмами, но мне казалось, что сон мой продолжался одну минуту. При виде хлеба, выпетит мой еще более усилился, и я тут же на берегу хотел приступить к еде, но Семен удержал меня.

— Погоди, выедем на середину реки, где течение посильнее, там мы и будем есть.

Я вскочил на плот. Семен передал мне хлеб, вытянул кол из земли и тоже вскочил на плот.

Течение подхватило нас, и мы опять поплыли.

— Бросай весло, обратился ко мне Семен. Сам он тоже вытянул весло и положил его на плот, вынул из кармана сухую таранку, разорвал ее на две части, потом разделил хлеб и поделился со мной. Я сейчас же взялся за еду.

Ночевать пришлось на реке, на острове. Мы вышли на берег и привязали плот к дереву. Ночь была холодная и сырая. Мы легли на остывший песок, но спать не могли. Семен все время брзжал и ругал тихомолку хозяина, из-за которого мы опоздали. Мне было холодно. О костре нечего было и думать. На острове не было ни одного сухого дерева, ни одной сухой ветки. Полежав несколько минут, мы разговорились. Семен оказался уроженцем ближайшей деревни, без семьи, без родных, сиротой, как он себя называл. В нем сквозила какая-то незлобивость. Если нужно было что-нибудь сделать, он всегда первый брался за работу. Он очень мало говорил. Мне раньше казалось, что он очень набожен, однако, я за все время не заметил, чтоб он упомянул бога или крестился.

— Ты, часом, не из монахов?

— Разве похож? с усмешкой спросил Семен.

— Как будто, ответил я.

— Не из монахов, а из богомазов. Я целых шесть лет занимался этим.

— А теперь?

— Теперь как видишь. Питаюсь у реки. Работаю на выгрузке, водоливом был, случится работа на сплаве, то я этим не брезгую. Все равно, — и там работать и тут работать.

Семен умолк. Далеко на небе и в воде видны были звезды, и мне казалось, что мы находимся где-то в воздушном пространстве.

— Давно это было, начал опять Семен. Когда еще мальчуганом был, я все про бога думал. И всего я тогда боялся, даже товарищей. Я считал грехом с ними даже в бабки играть или голубей гонять. Думал, что бог за это накажет. Потому, видно, мать моя в богомазы меня и определила. Мне тогда было лет не то двенадцать, не то тринадцать. Два года я в мальчиках состоял, Семкой звали. Только и работы было что бегать мастерам за водкой да за пивом, а к работе не допускали. Помогал укладывать иконы на подводы, когда их в лавку возили или куда-нибудь на ярмарку. Еще я мастерския подметал или товар перекладывал.

Работа легкая, да старший мастер уж больно лютый был, прямо тигр, а не человек. Без матерного слова ничего не скажет. Целый день он то и дело ругался, а меня так часто и за уши трепал, а то и по голове бил.

Бывало, как только подойдет к кому-нибудь из мастеров, сейчас тычет пальцем на икону и кричит:

Разве у Христа такие губы должны быть? Ты пусти ему тонкие губы, бледные, а ты смотри, какие написал, как будто целоваться лезет.

Ты кого пишешь? накинется он на другого. Ильи? . . . это, а не Илья. Разве у Ильи такая борода? Дурак. Работаешь уже пять лет, а не знаешь, что у Ильи борода не курчавая, а ниточкой. . . И тут, брат, как пойдет ругаться, так тошно станет слушать.

Стало холоднее. Одежда наша была вся мокрая. Я опять почувствовал озноб. То плечо стало подергивать, то ноги сводить. Я приподнялся и стал растирать ноги.

Семен тоже встал, скинул с себя свитку, разостлал ее на земле и предложил лечь вместе с ним. Мы опять легли, тесно прижавшись друг к другу, чтобы согреться.

На реке тихо, слышно только журчанье воды у нашего плота.

Семен начал поправлять узелок, с которым он не расставался. Когда я лежал рядом с ним, я чувствовал легкий пряный запах торта, и мне представлялся большой круглый, белый хлеб, залитый сверху белым сахаром.

— Эх, жаль, не учен я ремеслу, сказал Семен, повернувшись ко мне. Работал бы я или на заводе, или где-нибудь в мастерской, а то день работаешь, а два голодаешь. Хорошо — теперь лето идет, а как зима настанет. Вот когда страшно. Ни тебе одежи, ни жилья, ни хлеба. Собаке и той лучше.

Было далеко за полночь. Мне не спалось. Предутренний холод заставил меня подняться. Ноги мои болели от частых судорог. Семен продолжал лежать. Казалось, что он спит.

Чтобы немного согреться, я начал бегать на месте, по солдатски.

Как только стало светать, мы отвязали плот и поплыли. Миновав остров, мы вновь взялись за весла. Вдали от берега мне казалось, что плот еле двигается, только когда мы плыли вблизи островов, часто попадавшихся нам по дороге, можно было заметить, что мы двигаемся довольно быстро.

Часов в десять подул сильный ветер. Сначала на реке появилась мелкая рябь, перешедшая потом в большие, гребнистые волны. Наш плот пригнали ветром на песчаную отмель, едва выступающую из воды. Поднялась буря. Волны все больше и больше увели-

качались и с шумом перекатывались сначала через плот, а потом через всю отмель, обдавая нас водой. Мелкие брызги и песок, летевший с противоположного берега, больно били по лицу, ветер со свистом и воем вдал нашу одежду. Шапка Семена, сорванная ветром, кувыркаясь, сразу поднялась вверх, потом шлепнулась далеко от нас в воду.

Несмотря на то, что наш плот мог лежать потопить, мы решили сняться с невольной пристани и плыть к жилому берегу, но все наши усилия стянуть плот с мели ни к чему не привели. Надо было предпринять что-нибудь, так как ветер сбивал нас с ног.

Семен, без шапки, с развевающимися волосами первый пришел в себя. По его указанию мы из досок устроили что-то вроде забора, за которым мы были защищены от ветра. Присесть нельзя было. Перекачивавшиеся волны временами доходили нам выше колен. В таком положении мы простояли до вечера.

Ветер к вечеру утих. Мы принялись стаскивать плот. Часть плота пришлось развязать, и только тогда мы с большим трудом спихнули оставшуюся часть в воду.

Я чувствовал себя совсем разбитым, без сил. Руки мои как будто заоченели, и я не мог удерживать весло. Во всем теле, особенно в ногах, я чувствовал ломоту. Хотелось спать и есть, особенно хотелось есть. Табак и спички отсырели. Я лишен был возможности заглушить голод курением. Семену было не лучше.

Плот наш продолжал плыть по течению. По словам Семена, мы проплыли не больше половины дороги. Было уже темно.

Вдали показались огоньки, но то были огоньки не близкого жилья, а красный и зеленые огни приближающегося парохода.

Пароход шел нам навстречу. Стал слышен шум колес, и вскоре громадный черный корпус парохода с двумя рядами освещенных окон проплыл мимо нас.

Спалубы было слышно пение нескольких мужских голосов. Несколько минут я ощущал наплыв радостного чувства. Мне казалось, что я опять в обществе людей, что стоит протянуть руку, и я достану кусок хлеба.

Когда пароход стал удаляться, я почувствовал, что во рту у меня сухо, горло сдавило. От вида темной как чернила воды меня тошнило. Глаза были направлены вслед отплывавшимся, но еще видимым паровозным огонькам. Я жалел, что не позвал на помощь, когда пароход был близко от нас.

— Далеко еще до места? спросил я у молчавшего Семена. Он сидел на весле, еле видимый в темноте, и думал, очевидно, о том же, что и я.

— Не знаю.

— Ты есть хочешь?

— А ты наготовил? едко спросил он.

Мои мысли вращались около свертка с тортом.

Я боялся попросить Семена дать мне кусок. Я чувствовал, что если Семен мне откажет, я ни перед чем не остановлюсь. Минутами мне казалось, что Семен чего-то ждет.

— Ты не знаешь, сколько стоит такой чорт? вдруг услышал я вопрос Семена.

Речь могла идти только о торте. Я не знал, что ему ответить.

Сколько же он стоит? подумал я. Может быть рубль, а может быть и все сто рублей.

Я понял, что чем меньше я скажу, тем скорее Семен согласится дать мне кусок торта.

— Не дороже полтинника, поспешил я ответить.

— Чепуху ты городишь, тихо сказал Семен.

Еще долго мы рассуждали о торте. Цена его то поднималась до десяти рублей, то, взвесив все обстоятельства, цена его понижалась до рубля и меньше.

Семен не принимал во внимание ни стоимость муки, сахара, ни других вещей, а упорно отстаивал его большую ценность тем, что раз это не простой пряник, а торт, цена его должна быть не меньше десяти рублей.

После долгих выкладок и доказательств, я убедил Семена, что торт больше трех рублей не стоит, и он решил разделить его между нами с тем, что если придется заплатить за него, то грех, как он выразился, будет пополам.

Я согласился, и через несколько минут мы, сидя каждый на своем весле, осторожно отламывали по куску сухого, пряного торта, мочили его в воде и ели. Торт казался мне слишком сладким, до приторности. Кусок душистого ржаного хлеба казался мне гораздо вкуснее.

Приехали мы на место на другой день рано утром. Семен оставил меня на берегу развязывать плот и вытягивать бревна из воды. Сам он ушел куда-то. Когда я заканчивал работу, явился Семен. Лицо его было нахмурено, глаза тупо смотрели вниз. Подошедши ко мне, он тяжело опустился на бревно.

— Наделали мы делов с тобою, проговорил он.

— А что?

— А то, что ты меня обманывал.

Я ничего не понял.

— Когда я обманывал тебя? спросил я его.

— А вот же этот самый чорт, чтоб ему пропасть. Полтинник! Три рубля! Вот тебе и полтинник.

Думал, что ты понимаешь, а вышло, что ты в нем смыслишь, как собака в сметане.

— Сколько же он стоит?

— Бес его знает сколько. Не сказывают. Пошли заявить уряднику, что мы его украли, вот что.

Семен продолжал сидеть, опустивши голову. Я продолжал укладывать доски.

— Надо было тебе сказать, что мы были голодные, что два дня не ели.

— Сказал, все сказал! Разве они понимают? Ироды.

Пришел за нами стражник и повел в канцелярию. До самого вечера мы под охраной сидели и ждали урядника. Семен все время сидел и вздыхал. Вечером явился урядник. Когда он вошел, мы встали.

— Это кто такие? спросил он у стражника, указывая на нас ручкой нагайки.

Стражник сказал ему, что мы с плота.

— Что, сладенького захотелось? Паршивцы. Я вам покажу сладенького, хамье проклятое,—накинулся на нас урядник. Мы молчали.

Нас допросили, составили протокол, под которым я и Семен подписались.

Мне приказано было сейчас же убраться из деревни. Семена, которого урядник, повидимому, знал, он выругав и послал куда-то просить прощения.

Денег нам не заплатили.

В тот же вечер я вернулся пешком обратно в Н. Дорогой я все думал—сколько все-же стоит торт.

М. Зонь.

Осенний ветер.

Все беспредельней ветра взмах,
Острей в руках его мечи,
А клены красные рубахи
Одели, словно палачи,

Чтоб лице — ~~царскую~~ корону,
Вести на ~~свой~~ эшафот...
И там, по мантии зеленой
Кровь, багровея, потечет...

То ветер нищ — и с плачем бродит,
Сбирая листьев медяки,
То — на неведомом заводе
Поют осенние гудки. —

Там кто-то, сильный и упорный,
Из сплава солнечной руды,
В отсветах лиственного горня
Ку... бр... ллантовые льды.

Но вот опущен тяжкий молот,
Скребет там ветер, словно мышь,
И треплет грязные подошвы
И клочья мокрые афиш.

Константин Клягин.

Ветер.

Разлапилось солнце и в запад лохматый
Воткнулося взглядом кровавым от зла,
На город взметнуло багрянец крылатый
И плавит со смехом лучем купола.

Все стекла и крыши забрызганы кровью,
Иссечены улицы пляской огня
И отблеск кромсает на части, с любовью
Тревоги и муки застывшего дня.

Гремящий от стука без умолку город
Устало замедлил размашистый шаг,
Захлопнул на-отмашь отстегнутый ворот:
Глаяя удары пурпуровых шап.

По пропастям улиц, в тумане лиловом
Плывет и дымит косматая гарь,
Тоскуя о солнце, в предсмертии новом
Сзывает к всеобщей заре — пономарь.

Замолкнули гулы, и сизые ленты
По улицам стелет вечерняя тьма,
Пугливо стирает вдали монументы
И серые когти вонзает в дома.

Ползет, растилаясь, по крышам горбатым
Истрепанный временем черный хитон,
По сумеркам скользким, покоем об'ятым,
Шагает привратник безмолвия — сон.

ПРОВУЖДЕНИЕ.

Восток спит.

Восток проснулся.

У нейтральной зоны.

Частушка

противосамогонная.

Началась борьба рабочих, крестьян и красноармейцев с пьянством.

1.

Эх, машер, моя красавица!
Чудна таперя публика!
Скоро в трезвости об'явится
Советская республика!

2.

Эх, бутылочка моя,
С желтым самогоном!
Расшибу теперь тебя
Вдребезги со звоном!

3.

Нэпман бесится и скачет,
Из подвала валит дым.
"Не рыдай" потом заплачет,
А мы жару поддадим!

4.

Жрите, братцы, до отказа,
На стол ставьте бочку!
А рабочий начал сразу
Пьянству ставить точку!

5.

При Володе, при Святон,
Русь ходила колесом.
При Николке дурачке
Завертелась на волчке!

6.

А при власти при советской
Ходит шагом молодецким!
Самогон не стала пить —
Стала азбуку учить!

7.

Не видать на небе зги.
Разбил штоф я вдребезги!
Задавить нам надо сразу
Самогонную заразу.

8.

Потому, при самогоне
У жулья будем в загоне!
Ну-ка, братцы, поднапрям —
Пьянство со свету сживем!

Николай Вязанов.

О, времена!..

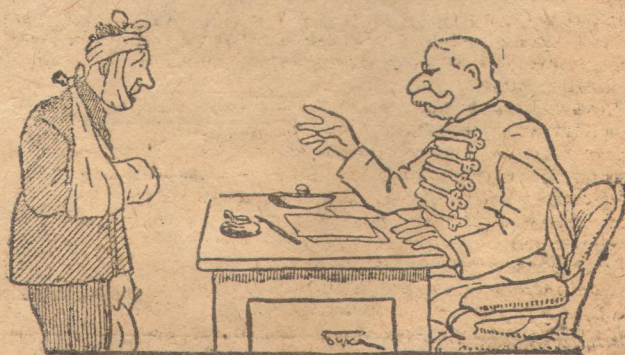
Еврейские рабочие отказались праздновать еврейские праздники. (Из газет).

И ваша лавочка прогорает?

Предупредил...

В польских концентрационных лагерях желающие вернуться в РСФСР подвергаются самым диким насилиям со стороны властей. (Из газет.)

— Вы все таки не оставили мысли ехать в Россию? Яко предупредил, что в эту ужасную страну вы живым не дождетесь.

Восстание Спартака.

(Из времен рабства).

Вся хозяйственная жизнь древнего Рима покоилась на труде рабов. Одной из причин беспрерывных войн, которые вели римляне, была необходимость приобретения этой даровой рабочей силы. Во время таких войн цена рабов падала значительно ниже цены рабочего скота, и неудивительно, что господа шадли свой скот гораздо больше, чем рабов.

Рабы были в то время достаточно дешевы даже для того, чтобы затратить на них известные средства и обучить их искусству развлекать скужающих господ. Самым излюбленным зрелищем рабовладельцев были бои гладиаторов. Гладиаторы—это те же рабы, обученные искусству борьбы холодным оружием. Они дрались и убивали друг друга в дикой, кровавой схватке единственно для потехи господ.

Эти „говорящие орудия“, число которых в Италии в последнем столетии до начала нашего летосчисления превышало число свободных граждан, за свою изнурительную работу не получали даже достаточно пищи. Этот дешевый товар невыгодно было иначе содержать, как на полуголодном существовании. И отчаяние толкало рабов на бунты, на восстания. Последние носили местный характер, были направлены против того или иного тирана, того или иного невыносимого режима и сравнительно без труда подавлялись.

Такой же в начале местный характер носили восстания гладиаторов в Капуе, которое затем разрослось и захватило всю Италию. Восставшие потребовали достаточной пищи. Господа отказали. Рабы стали для своего пропитания грабить близлежащие деревни, фермы. Во главе их стоял фракийский раб Спартак, гладиатор. Рабы из разграбляемых усадеб тотчас же присоединялись к восставшим. Из 70 человек отряд Спартака быстро разросся до нескольких сот, среди которых поддерживалась строгая дисциплина.

Спартакowski отряд мог уже продовольствоваться только путем разграбления крупных торговых обозов, шедших в Рим. Продолжаясь в глубь страны, отряд рос, как лавина, а имя Спартака уже далеко разнеслось. Рим, который с моря был блокирован морскими пиратами, быстро почувствовал на себе последствия разграблений шедших с юга караванов.

Гарнизон Капуи получил предписание уничтожить восставших, но был ими разбит наголову. Весть об этом успехе начала расшатывать устои рабской дисциплины по всей стране. Господствующие классы начали лихорадочно готовить регулярную армию против Спартака.

II.

Спартак родился и вырос на свободе во Фракии, где он был пастухом. Оставшись без работы, он нанялся в солдаты, бежал от наказания за какой-то проступок, был пойман и продан в рабство, где он сделался непобедимым гладиатором.

Уже из одного того, что на его призыв полумученные рабы с радостью откликнулись во всех концах страны и хватились за оружие против своих угнетателей, Спартак, несмотря на весьма ограниченный круг своего умственного развития, сделал выводы, далеко выходящие за пределы уровня классового сознания рабов.

Несомненной и инстинктивной классовой борьбе рабов он дал несманный до того времени лозунг: „Уничтожение рабства“. Он провозгласил этот лозунг целью своей борьбы, призывал всех рабов к оружию и к восстанию во имя осуществления его. Призыв Спартака имел успех. В 70 году до нашей эры он в течение трех месяцев разбил семь римских армий и организовал при помощи захваченного снаряжения и оружия регулярную дисциплинированную армию рабов в 70 тысяч человек. „Говорящие орудия“ начали подниматься по всей стране.

Ближайший год принес восставшим рабам ряд военных побед и вместе с тем политические поражения. Армия Спартака прошла с юга на север через всю Италию, уничтожила все, что встретила на своем пути, всюду побуждала рабов к восстанию, вела ожесточенные бои с римскими легионами. „Непобедимые“ римские легионы один за другим уничтожались ненавистными и презренными рабами.

Несмотря на неслыханные победы, успех Спартака не был прочен. Римская империя могла обрабатывать свои гигантские поместья и землю только трудом рабов. Таков был хозяйственный уклад. В тех же местах, где рабы сами становились господами, всякая работа прекращалась. Спартак воплощал в себе революционное отрицание рабской системы, но он не был в состоянии заменить ее более высокой ступенью производства, вследствие чего и революция, которую он собирался произвести, была осуждена на неизбежную гибель. Его участь была решена еще тем, что после своих блестящих военных побед Спартак не дошел до Рима, а шадли своих солдат, избегал решительного столк-

новения с более слабым противником. Этим самым испуганным римским владыкам была дана возможность наилучшим образом подготовиться к разгрому восставших рабов.

III.

Спартакowski движение было первым восстанием рабов, охватившим всю Италию. Римская империя состояла, однако, из целого ряда колоний и областей, которые в своей совокупности во много раз превосходили Италию. Спартак ничего не предпринял, чтобы распространить восстание и на эти области. Вместо этого он старался установить связь с иностранными врагами Рима, которые также опирались на рабство. Спартак того не понимал, что он является—врагом и этих последних, что, несмотря на свою смертельную ненависть к Риму, они скорее желали бы освобождения рабов Спартаку поражение, чем победу.

С другой стороны, восставшие рабы были детьми своего времени. Они мыслили так же, как и их господа. Свое освобождение они понимали таким образом, что теперь они станут господами, а побежденные—рабами. Спартак, который не имел перед глазами никакого другого способа производства, кроме рабовладельческого, не мог явиться и выразителем иной идеологии. Он и его наиболее передовые товарищи думали только об уничтожении рабства, но не имели никакого представления о новом строе, который должен явиться на смену ему.

IV.

В настоящее время, когда руководство классовой борьбой угнетенных сделалось широко разработанной наукой, мы можем точно установить причины неудачи спартакowski восстания, ошибки и промахи его вождей. Революционное значение этого восстания, однако, нисколько не уменьшается от того, что его вожди не имели, да и не могли иметь, совершенных знаний. Но в стихийном, не освещенном классовым сознанием, восстании рабов, лозунг Спартака об уничтожении рабства явился уже гигантским шагом вперед. Не менее крупным шагом было распространение восстания на всю страну и сплочение в одну воющую за общие интересы армию широких масс рабов различных языков, рас, культур. Во всем этом была огромная личная заслуга Спартака, проявившего необычайные способности вождя и организатора темных и распыленных масс.

Личность Спартака, даже основываясь на абсолютно пристрастных описаниях его современников, принадлежавших к противоположному лагерю, не может не вызвать величайшего удивления. Его предшествовавшая жизнь, полная жестоких страданий, истязаний, и преследований, не вытравила в нем любви к человечеству, к справедливости, красоте. Как вождь восставших рабов, он всего себя отдал своему великому делу, жил проще, скромнее, трудолюбивее любого из своих солдат, и чем выше возносила его революция, тем самоотверженнее он отдавался своей цели.

V.

Когда долгое время не было возможности для своего прокормления занимались грабежом. Именно это средство сделалось целью. Дисциплина стала падать. Когда после названного ему и победоносного боя Спартак решил, наконец, начать наступление на Рим, то часть его армии отказалась повиноваться, откололась и вскоре превратилась в простую банду.

Между тем, полтора года гражданской войны вызвали в Италии большие изменения. Наступило всеобщее утомление и истощение. Римские рабовладельцы сделали соответствующие выводы: они несколько облегчили положение рабов, обещали наделить их землей, если они будут сражаться в легионах против Спартака, предприняли ряд мер к усилению своей армии.

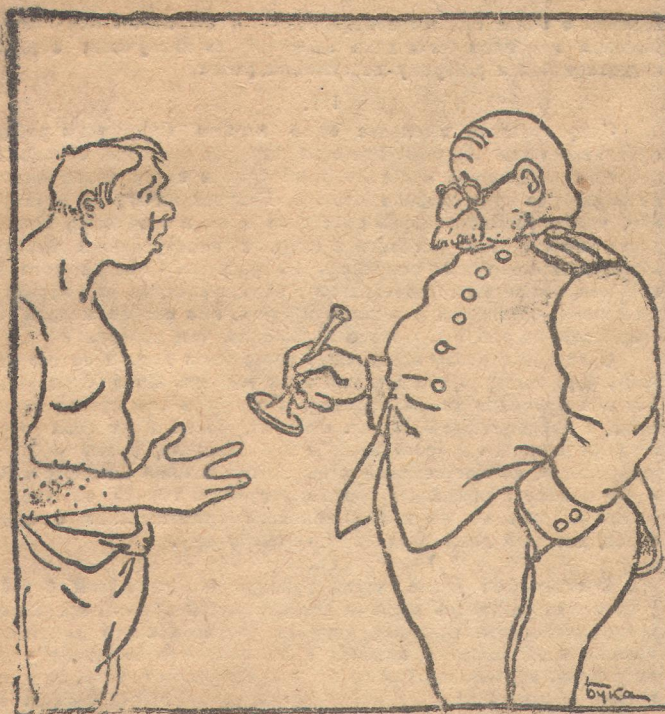
Спартак уже не мог опираться на опустошенные провинции, и силы его стали слабеть. Избегая решительных боев, он стал отступать на север, преследуемый римской армией. Он предложил перемирие, но не получил ответа. Спартак еще не знал в это время, что путь его отступления на север занят вызванными из Испании победоносными римскими легионами. Он сделал мирное предложение в виду неудержимого падения дисциплины и деморализации его армии. В охватившем ее страхе-последняя бросалась из одной крайности в другую. После уничтожения небольшого Римского отряда, армия Спартака против его воли вступила в бой с главными силами противника. Рабы были разбиты и бросились в бегство. Спартак, окруженный своими ближайшими товарищами, пытался удерживать бегущих. Он продолжал сражаться и пал в этом бою.

Бегущие ряды побросали оружие. Тут появилась наступавшая с севера римская армия и захватила безоружных и не сопротивляющихся в плен. 7000 рабов были распяты на крестах. „Роте Фанс“

Лев. К. М.

Новые времена-новые песни.

Все призывники объявляют себя здоровыми и отказываются от медицинского освидетельствования.
(Из газет).

РАНЬШЕ.

— Отчего вы не одеваетесь? Вы годны.
— Доктор... Осмотрите еще раз!.. У меня же малокровие, бледная немочь... ну, право же, я не годен... уверяю вас!..

ТЕПЕРЬ.

— Отчего вы не раздеваетесь, товарищ?
— Уверяю вас, тов. доктор, что я годен, не стоит осматривать...

Слугай на базаре

(Картинка)

— „Как же так,“—сказал Карп Карпыч сонно:
„Ежели, допустим, так сказать,
Выпью я с устатку самогону,
Должен я за это отвечать!“?

* * *

Пров Кузьмич в ответ проямлил вяло:
— „Видишь, кум... оно-бы и... того..
Ежли без особого скандала,
Думаю, не будет ничеро“.

* * *

— „Ну дык выпьем“... Выпили—с устатку...
Кума Пров „свинцею“ вдруг назвал,
Сгоряча Карп Прову „дал в сопатку“.
Ну... и вышел форменный скандал.

* * *

Собралась толпа. В толпе—рабочий
Видит—нарушается закон.
(А друзья дерутся что есть мочи).
„Надо бы отправить их в район“.

* * *

Кинулся—туда, сюда,—но все же
Не нашел милиции следа.
„Чорт возьми! На что это похоже!“
„Нет ее на месте никогда!“

Мих. Сагонов.

Отдельно от газ. „Пролетарий“ не продается.

О Б Ъ Я В Л Е Н И Я .

ОБЪЯВЛЕНИЯ
для воскресного при-
ложения к газете

„ПРОЛЕТАРИЙ“

В часы о о о
о о ДОСУГА

принимаются до четверга,
в 12 часов дня.
Цена за строку нонпа-
рели 100 р. д. зн. 1922 г.

КАБИНЕТ

для научных занятий
при

Губ. Парт. Библиот.-читальня
Московская, 20,
клуб „Коммунист“.

открыт ежедневно
от 10-4 и 6-10 веч.

Пользоваться кабинетом могут
все члены ком. парт. Работаю-
щие в кабинете могут полу-
чать все книги-библиотеки.

ХАРЬКОВСКОЕ КООПЕРАТИВНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ПРОЛЕТАРИЙ“

приступило к своей работе.

ОТКРЫТА подписка на пая товарищества.

Стоимость каждого пая определена в 500 рублей
в ден. зн. 1922 г.

Подписка принимается в агитпропе Губкома, в
агитпропах Райпаркомов, в Культотделах всех проф-
союзов и в Центральном книжном магазине
кооператив. издательства „ПРОЛЕТАРИЙ“—
Харьков, Московская, № 18.

Членами Харьковского кооперативного издатель-
ства „Пролетарий“ могут состоять все рабочие,
красноармейцы, крестьяне, коммунисты и беспартий-
ные, а также советские, партийные, профессиональ-
ные, кооперативные учреждения и организации.

Типография ВУЦИК'а, улица Карла Либкнехта № 13.